

Честный вор — эпизод 7 из 7

Еще прежде, когда я у Босомягиных господ находился, познакомился; лечил он меня. Пришел медик, посмотрел. Да нет, говорит, оно плохо. Нечего было, говорит, и посылать за мной. А пожалуй, дать ему порошков. Ну, порошков-то я не дал; так, думаю, балуется медик; а между тем наступил пятый день. Лежал он, сударь, передо мной, кончался. Я сидел на окне, работу в руках держал. Старушоночка печку топила. Все молчим. У меня, сударь, сердце по нем, забулдыге, разрывается: точно это я сына родного хороню. Знаю, что Емеля теперь на меня смотрит, еще с утра видел, что крепится человек, сказать что-то хочет, да, как видно, не смеет. Наконец взглянул на него; вижу: тоска такая в глазах у бедняги, с меня глаз не сводит; а увидал, что я гляжу на него, тотчас потупился.

Астафий Иваныч!

Что, Емелюшка?

А вот если б, примером, мою шинеленочку в Толкучий снести, так много ль за нее дали бы, Астафий Иваныч?

Ну, говорю, неведомо, много ли дали бы. Может, и трехрублевый бы дали, Емельян Ильич.

А поди-ка понеси в самом деле, так и ничего бы не дали, кроме того что насмеялись бы тебе в глаза, что такую злосчастную вещь продаешь. Так только ему, человеку божию, зная норы его простоватый, в утеху сказал.

А я-то думал, Астафий Иваныч, что три рубля серебром за нее положили бы; она вещь суконная, Астафий Иваныч. Как же трехрублевый, коли суконная вещь?

Не знаю, говорю, Емельян Ильич; коль нести хочешь, так, конечно, три рубля нужно будет с первого слова просить.

Помолчал немного Емеля; потом опять окликает:

Астафий Иваныч!

Что, спрашиваю, Емельянушка?

Вы продайте шинеленочку-то, как я помру, а меня в ней не хороните. Я и так полежу; а она вещь ценная; вам пригодиться может.

Тут у меня так, сударь, защемило сердце, что и сказать нельзя. Вижу, что тоска предсмертная к человеку подступает. Опять замолчали. Этак час прошло времени. Посмотрел я на него сызнава: всё на меня смотрит, а как встретился взглядом со мной, опять потупился.

Не хотите ли, говорю, водицы испить, Емельян Ильич?

Дайте, господь с вами, Астафий Иваныч. Подал я ему испить. Отпил.

Благодарствую, говорит, Астафий Иваныч.

Не надо ль еще чего, Емельянушка?

Нет, Астафий Иваныч; ничего не надо; а я, того...

Что?

Этого...

Чего такого, Емелюшка?

Рейтузы-то... этого... это я их взял у вас тогда... Астафий Иваныч...

Ну, господь, говорю, тебя простит, Емельянушка, горемыка ты такой, сякой, этакой! отходи с миром... А у самого, сударь, дух захватило и слезы из глаз посыпались; отвернулся было я на минуту.

Астафий Иваныч...

Смотрю: хочет Емеля мне что-то сказать; сам приподнимается, силится, губами шевелит... Весь вдруг покраснел, смотрит на меня... Вдруг вижу: опять бледнеет, бледнеет, опал совсем во мгновение; голову назад закинул,дохнул раз да тут и богу душу отдал